3. Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910.
4. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 5. – С. 83-84.
5. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 136-137.
6. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 116-117.
7. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Западная Двина – Днепр (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 57-58.
8. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Минское и Могилевское монетные скопления (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.

могилевское монетные скопления (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2012. — № 5. — С. 72.

9. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 5. — С. 82.

10. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Прибалтика (825-859 гг.) // Современные наукоемкие технологии. — 2012. — № 7. — С. 8.

2012. — № 7. — С. 8.

11. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Прибалтика (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2012. — № 5. — С. 95-96.

12. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 5. — С. 125-

13. Петров И.В. Второй этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (750-760-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 10. — С. 71-72.

ный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 10. — С. 71-72. — 14. Петров И.В. Первый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (700-740-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 10. — С. 68-71. — 15. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе (800-е — первая половина 820-х гг.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2013. — № 3. — С. 17-19. — 16. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема и Минское монетное скопление (790-е тг.; 800-е — 1 пол. 820-х гг.) // Современные наукоемкие технологии. — 2012. — № 12. — С. 42. — 17. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 1. Волго-Вятско-Камский денежный рынок. VI-VII вв.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2013. — № 11 (часть 1). — С. 107-109.

18. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 2. Нижний Днепр, бассейн Черного моря в районе Днепровского лимана. VI-VII вв.)// Международный урнал прикладных и фундаментальных исследований.

журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 1. — С. 33-36. 19. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 3. Поокский денежный рынок. VI-VII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 1. — С. 36-37. 20. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и перевнерусских монет VI-

исследований. — 2014. — № 1. — С. 36-37.

20. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 4. Подонский денежный рынок. VI-VII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 1-2. — С. 225-226.

21. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI — XIII вв. (Часть 5. Черноморское побережье Северного Кавказа; Таманский полуостров. VI — VII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — №3-2. — С. 19-20.

22. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI — XIII вв. (Часть 6. Северный Кавказ: Кисловодская котловина. VI — VII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — №3-2. — С. 20-22.

23. Петров И.В. Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI — XIII вв. (Часть 7. Крымский денежный рынок. VI — VII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — №3-2. — С. 22-77.

24. Петров И.В. Третий этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (770-780-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 10. — С. 72-76.

25. Петров И.В. Четвертый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (770-е гг.) // Международних в расточной Европе (770-е гг.) // Международних в расточной Европе (770-е гг.) // Международних в восточной Европе (770-е гг.) // Международних в восточной Европе (770-е гг.) // Международный жура в Восточной Европе (770-е гг.) // Международних в восточной Европе (770-е гг.) // Междунаро

ный журнал эксперилест. 10. – С. 72-76. 25. Петров И.В. Четвертый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (790-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 76-77. 26 Петров И.В. Эволюция политических структур пенежного денежного де

С. /6-//.
 26. Петров И.В. Эволюция политических структур Южной Руси и расцвет Днепро-Деснинского денежного рынка (VIII – первая четверть ІХ вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 45-51.

— С. 45-51. 27. Равдина Т.В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. — М.: Наука, 1988. 28. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматический сборник. Ч. XIV. Нумизматика в Историческом Музее. — М., 2001.

Психологические науки

СООТНОШЕНИЕ ТИПА ЛИЧНОСТИ (ФЕМИНИННОГО, МАСКУЛИННОГО, АНДРОГИННОГО) И ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОК ВУЗА

Харламова Т.М.

Пермский государственный гуманитарнопедагогический университет, Пермь, Россия

Целью нашего исследования стало изучение соотношения типа личности (фемининного, маскулинного, андрогинного) и гендерных установок студенток вуза. В качестве испытуемых выступили 65 студенток первого и второго курсов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в возрасте 18-19 лет. В ходе обследованиябыли применены: опросник С. Бэм, позволяющий определить степень выраженности фемининных, маскулинных и андрогинных характеристик личности; тест незаконченных предложений «Я-женщина»; опросник для изучения гендерных стереотипов в семейных отношениях; методика изучения гендерных установок «Рисунок мужчины и женщины». Фемининный тип личности, понимаемый автором методики, как совокупность телесных, психических и поведенческих признаков, отличающих среднестатистическую женщину от мужчины (например, скромность, нежность, преданность, застенчивость, сострадание, умение сочувствовать, способность утешить, теплота, сердечность, мягкость, доверчивость, любовь к детям и т.п.), диагностирован у 13,8% студенток. Маскулинный тип личности, вобравший в себя представления и установки о том, какими качествами должен обладать мужчина (например, независимость, напористость, склонность защищать свои взгляды, честолюбие, способность к лидерству, склонность к риску, аналитический склад ума, вера в себя, самодостаточность и т.п.) выявлен у 3,1% испытуемых. Андрогинный тип, свойственный наиболее адаптированным, приспособленным к общению и групповому взаимодействию лицам, обладающим гибким поведением и высокой самооценкой, что может быть следствиемтолерантного отношения родителей к их полоролевому поведению, обнаружен у 83,1% испытуемых. При этом осознают себя как соответствующих гендерному стереотипу женщины 100% девушек из первой группы и 70,4% из третьей. Нейтрально относятся к себе, т.е. плохо осознают или вытесняют собственные гендерные характеристики 29,6% андрогинных девушек и 100% маскулинных. Обнаружено также, что в семейных отношениях традиционнопатриархальный тип семьи, при котором муж является главой и обязанности супругов строго определены их полом, предпочитают 44,4% фемининных испытуемых, 100% маскулинных и 16,7% андрогинных. Соответственно, эгалитарный тип, где нет дифференциации по признаку пола, выбрали в качестве наиболее привлекательного 11,1% андрогинных студенток, а тип, в котором объединились обозначенные выше 2 варианта семейных отношений, - 55,6% фемининных испытуемых и 57,4% андрогинных. Интересно, что к нетрадиционному типу семьи, при котором жена - ее глава, обязанности мужчины и женщины противоположны традиционным, и к смешанному типу, объединившему все 3 гендерных стереотипа семейных отношений, тяготеет равное количество андрогинных испытуемых (по 7,4%). Очевидно, что испытуемые андрогинного типа личности способны более гибко, вариативно подойти к организации семейного взаимодействия, что вполне отвечает современным социальным тенденциям.

Анализ графических презентаций гендерных установок в отношении своего и противоположного пола позволил установить следующее. В группе студенток с фемининным типом личности в качестве приоритетных (по 22,2%) были названы установки «сотрудничество» (мужчины воспринимаются как субъекты деятельности, что в большей степени характерно для девушек с высоким уровнем притязаний, практичных, ориентированных на материальные ценности), «независимость» (характеризует испытуемых как

интровертированных, сдержанных, недостаточно социально компетентных, психологически дистанцированных от противоположного пола) и «притяжение» (отражает высокую значимость гетеросексуальных отношений, эмоциональную притягательность лиц противоположного пола). Вторую позицию (по 11,1%) разделили следующие три установки: «опора» (символизирует единение, поддержку, что в большей степени свойственно студенткам из благополучных семей, не имеющих осложнений в сфере личных, интимных отношений), «изоляция» (формируется при наличии проблем в гетеро-сексуальной сфере) и «индифферентность» (указывает на недостаточно сформированное представление о типично мужском и типично женском). Для сравнения, в группе студенток с маскулинным типом личности репертуар гендерных установок ограничен двумя вариантами (по 50%): «независимость» и «агрессия» (мужчины воспринимаются как носителифизической угрозы, насилия, вражды, что может быть следствием травматического опыта девушек). Испытуемые с андрогинным типом личности имеют самый разнообразный набор гендерных установок в отношении представителей противоположного пола, при этом в качестве доминирующего (33,3%) выступает «притяжение», на втором месте – «индифферентность» (20,4%), на третьем -«независимость» (16,7%) и далее в порядке уменьшения значимости - «сотрудничество» (14,8%), «опора» (7,4%), «изоляция» и «агрессия» (по 3,7%). Полученные данные отражают современные социально-психологические тенденции и требуют дальнейшего изучения.

Сельскохозяйственные науки

УДК 631.358:635.61/63

ПРЕИМУЩЕСТВА МЕХАНИЗИРОВАННОЙ УБОРКИ ПЛОДОВ БАХЧЕВЫХ КУЛЬТУР НЕКРУГЛОЙ ФОРМЫ

Ульянов М.В., Цепляев А.Н., Климов С.В. ФГБОУ ВПО Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

Современное сельское хозяйство, должно отвечать самым высоким требования механизации и автоматизации сельскохозяйственных работ. Эти проблемы касаются и такой области сельского хозяйства как бахчеводство, особенно остро стоит проблема механизации уборочного процесса [4].

Бахчеводство является отраслью растениеводства, которая занимается производством продукции бахчевых культур в полевых и специальных севооборотах. Бахчеводство играет важную роль в обществе, так как бахчевые культуры являются незаменимыми продуктами питания, которые необходимы для нормального и здорового питания любого человека. Бахчевые культуры являются диетическим продуктом пи-

тания. В дело идет не только мякоть плодов, но и семена с корками. Продукция бахчеводства ценна не столько как поставщик энергетической составляющей продуктов питания, а больше как источник витаминов, микроэлементов и других биологически ценных составляющих [1].

В настоящее время среди возделываемых бахчевых культур тыква приобретает все большее значение, так плоды тыквы легко усваиваются и являются богатейшим источником витаминов, природных антиоксидантов и биологически активных веществ, которых нет в других продуктах. В мякоти тыквы содержится практически вся таблица Менделеева, то есть самые необходимые человеку химические элементы [6].

Благодаря своим биологическим ценностям, плоды тыквы традиционно используются в качестве сырья для производства детского питания, соков, пюре, повидла и джемов [2].

Особую питательную и лечебную ценность представляют и семена тыквы, содержащие 48-55% жирного масла очень ценного состава, богатого витаминами, белковыми веществами и полиненасыщенными жирными кислотами,